

МИР ТВОРЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Для самого Горького особенно дороги были проявления дружбы между народами; он высоко ценил умение писателей не только

18 июня исполняется 25 лет со дня смерти Алексея Максимовича Горького. День памяти великого русского советского писателя отмечают все советские люди, ваши многочисленнейшие друзья во всех странах мира.

В нашей памяти, в нашей жизни очень многое связано с именем А. М. Горького. О людях, таких, как он, не забывают. Они живут.

«Как я люблю Ваши книги! Как уважаю я гуманистическую позицию, которую Вы занимаете в течение всех этих преступных лет! У меня сейчас так хорошо на душе. — и это потому, что я решился выразить Вам свою любовь и уважение. И не сочтите меня за назойливого человека, если я пошлю Вам две книги... Вы совсем не обязаны их читать, Вам нет надобности благодарить меня. Вы можете непрочитанными подарить их кому-нибудь. Просто у меня возникла потребность послать Вам что-нибудь».

Эти восторженные слова, которые мы читаем на первой же странице «Переписки А. М. Горького с зарубежными литераторами», недавно вышедшей в издательстве Академии наук СССР, принадлежат не юноше, не начинающему поэту, а зрелому, широко известному мастеру — Стефану Цвейгу.

Переписка Стефана Цвейга с Горьким продолжалась в течение тринадцати лет. В письмах, а затем и в личных встречах крепла дружба двух больших писателей; но всегда, до последних дней, Цвейг называл Горького «дорогой и великий», часто обращался к нему со словом «мэтр» (учитель).

И в письмах Роллана — такие же восторженные, иногда похожие на стихотворения в прозе, слова: «Вы родились на ущербе зимы, на рубеже зарождающейся весны, в пору приближения равноденствия, — писал Роллан в марте 1918 года, не зная точно дату рождения Горького, но желая его поздравить. — Это совпадение символизирует Вашу жизнь, которая была связана с гибелью старого мира и с возникновением, среди бурь, мира нового. Вы были подобны высокой арке, соединяющей два мира, прошлый и будущий, а также Россию и Запад. Приветствую арку! Она царит над дорогой. И те, которые придут вслед за нами, еще долго будут ее видеть. А я, человек, которому выпало счастье жить одновременно с Вами...».

Переписка, изданная горьковским архивом, открывает новую, очень содержательную страницу в жизни не только Горького, но и таких выдающихся его корреспондентов, как Ромен Роллан, Анри Барбюс, Жан-Ришар Блок, Виктор Маргерит, Стефан Цвейг, Гергарт Гауптман, Генрих Манн, Томас Манн, Иоганнес Бехер, Франц Эленс, Теодор Драйзер, Эптон Синклер, Герберт Уэллс, Бернард Шоу, Сбилла Алерамо, Георгий Баканов, Сельма Лагерлеф, Эми Сяо, Кнут Гамсун, Мартин Андерсен

Нексе, Джон Голсуорси, Лейно Эйно, Мате Залка и многих других.

Слова любви и восхищения, с которыми писатели обращались к Горькому, выражали не только их отношение к его таланту; они выражали отношение к его общественной деятельности, к его роли в интеллектуальной жизни человечества той бурной эпохи, буревестником которой был великий русский писатель. И даже те корреспонденты, которые во многом расходились с Горьким во взглядах, не могли не видеть, какое выдающееся место занимал Горький в мировой литературе своего времени.

Как известно, Герберта Уэллса Октябрьская революция не столько обрадовала, сколько встревожила: русская революция пошла значительно дальше, чем того ожидали умеренные деятели, радовав-

шиеся свержению самодержавия. Еще в 1920 году Уэллс расспрашивал Горького, скоро ли он напишет «что-нибудь новое, проливающее свет на все то непонятное, удивительное и страшное, что произошло в России».

Весной того же года Горький написал Уэллсу письмо, в котором резко протестовал против клеветнических измышлений лондонской «Таймс», сообщавшей о людоедстве, якобы существующем в Советской России. «...Высококультурные государства Запада весьма озабочены созданием для России таких условий, которые помогли бы скорейшему и окончательному одичанию и вырождению русского народа», — гневно писал Горький, возмущенный той клеветой, которую создавало разузданное и злое воображение врагов Советской страны, «напрягающей всю свою волю на творчество социального опыта, имеющего, несомненно, общечеловеческое, общемировое значение». И в заключение он

добавил «несколько слов о Ленине»: «Это очень крупный человек и честный человек. Он играет в России роль грандиозного плута, который неустанно пашет землю засоренную, неплодородную. Поверьте, что я не закрываю глаза на отрицательные явления, созданные войной и революцией, но я вижу также, как в русской массе пробуждается воля к творчеству, как народ этот постепенно становится силою активной. А для меня актуализм — начало всех начал, ибо «в начале было деяние».

Вскоре после этого состоялась поездка Уэллса в Советский Союз, а зимой того же года вышла «Россия во мгле».

«Если верно, что приближающееся слияние народов означает переход всего хорошего, что есть в каждом отдельном народе, в новую, общую сущность людей, то именно Вы, Максим Горький, сделали больше всех для этого перехода, чтобы выявить в русской сущности наиболее важное миру», — писал Лион Фейхтвангер.

отразить жизнь своего народа, но и стремление понять культуру других народов. «...Как много значит в наше дикое время тот факт, что такая книга о французском писателе немцем, — писал он С. Цвейгу по поводу его книги о Роллане. — Ваша работа является для меня одною из тех побед человека над действительностью, которыми все разумные и честные люди имеют право гордиться...».

...Вот Горький, прочитав «Кола Брюньона», спешит выразить свое восхищение этой книгой, открывшей ему талант Роллана «в совершенно новом освещении». Вот Роллан, радуясь похвале своего друга, делится тем, как проходил творческий процесс: «Право, когда я писал о нем, у меня было чувство, словно я пишу под его диктовку. Я был пьян, а ведь пил Кола! Я верю в существование Кола больше, чем в свое собственное».

Безоговорочная правдивость, проникновение в глубину человеческих побуждений, мыслей и чувств — вот что прежде всего ценят в литературе и Горький, и Роллан. С этой точки зрения они оценивают литературу, об этом пишут друг другу, разбирая «Очарованную душу» и «Жизнь Клима Самгина», «Кола Брюньона» и «Мои университеты».

Нет никаких сомнений в том, что эта тщательно составленная, внимательно переведенная со многих языков книга будет с большим интересом встречена самыми широкими кругами читателей: эти письма вводят нас в атмосферу напряженной творческой мысли великого Горького и его современников.

Т. ТРИФОНОВА.

Алексей Максимович Горький.

Репродукция с картины худ. А. Ванециана.